

Концепты и коннотации

ПРОГРЕССИВНАЯ ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В.А. Лукин

*Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева*

Аннотация: *Анализируются коммуникативные и философские аспекты интолерантности. Раскрываются отношения между феноменом интолерантности и речевой деятельностью, кооперацией (resp. принципом кооперации), конфликтом (resp. принципом конфликта). Обосновывается ошибочность мнения о том, что кооперация и конфликт в социально-коммуникативном аспекте являются взаимоисключающими понятиями. Обсуждается и получает определение понятие коммуникативной интолерантности. Основываясь на принципе негативной кооперации Т. Котарбинского и фаллибилизме Ч.С. Пирса, автор выдвигает предположение о том, что интолерантность — один из механизмов трансформации «мнение → знание» в науке и практический метод устранения ошибок и решения человеческих проблем.*

Ключевые слова: *интолерантность, речевая деятельность, кооперация, конфликт.*

И коль скоро без аффекта нелегко бранить [других] на пользу собственной философии и вести, сплавиваясь в массивированные объединения (школа против школы как войско против войска), друг против друга открытую войну: — такая тяга, говорю я, или, скорее, порыв, должна быть принята за одну из благих и мудрых установлений природы, с помощью коих она стремится отвести от людей великое несчастье стать гниющим трупом ещё при жизни.

И. Кант Провозглашение близкого к заключению соглашения о вечном мире в философии (1796) [Кант 1993: 533].

Интолерантность в социально-философском и коммуникативном смысле чаще всего расценивается как феномен исключительно негативный и подаётся в большинстве случаев в качестве само собой разумеющегося фона для размышлений о толерантности. Но, даже допустив правомерность такого подхода, мы не можем сказать, что представляет собой интоле-

рантность по существу: имманентно неопределённая, толерантность ускользает от теоретически мотивированного определения, значит, нет и достоверного знания о содержании и границах интолерантности. В то же время социологи, например, и лингвисты качественно и количественно оценивают степень интолерантности социальных групп и текстов. Противоречие очевидно, но стоит ли за ним проблема?

Цель заключается в том, чтобы выяснить, чем может быть, чем должна быть идея интолерантности и воплощающая ее коммуникативная практика и чем она быть не может. Необходимо отделить интолерантность от нетерпимости: если толерантность противопоставлена именно интолерантности, а не чему-либо другому, и практически все лингвисты, социологи, политологи и философы справедливо настаивают на значимом отличии толерантности от терпимости, то и интолерантность — соотносимое понятие и слово — надо отличать от нетерпимости. В противном случае интолерантность становится именем всяческого зла, а толерантность — универсальным средством обретения мира и гармонии.

Чтобы установить содержание, объем и сферу действия подлинной интолерантности целесообразно в первую очередь обратиться к более общим понятиям кооперации и конфликта.

Кооперация, конфликт, толерантность

Филогенетически все формы коммуникативного поведения человека и животных кооперативны. В основе их лежит коллективная интенциональность (collective intentionality) [Searle 2003: 200] — биологически обусловленная нацеленность на совместную жизнедеятельность, которая проявляется в кооперативном поведении. Имеются в виду не какие угодно множества животных, а только «такие объединения ... где особи ищут себе подобных и остаются вместе» по той причине, что возникает «согласованность в их поведении, приводящая к некоему полезному результату» [Тинберген 1978: 150, 152]. Полезный результат возможен только вследствие общественного образа жизни практически всех биологических видов: «Лишь на основе рациональной кооперации интересов всех и каждого» возможна защита от агрессивной внешней среды, «благоприятный социальный климат внутри коллектива и материальная база его существования» [Панов 2014: 334].

Поэтому и в основе естественного общения лежит «базовая структура способности к совместным намерениям — „разделенная интенциональность“ (shared intentionality)» [Томаселло 2011: 104], которая возникает из «форм биологического приспособления, нацеленных на сотрудничество и социальное взаимодействие в целом» [Там же: 33].

Конфликт филогенетически базируется на агрессии, которая «является подлинным инстинктом — первичным, направленным на сохранения вида» [Лоренц 1998: 96]. Как и всякий инстинкт агрессия понимается безоценочно. Она так же важна для самосохранения, как коллективная интенциональность и кооперативное поведение. В зависимости от конкретной ситуации и то и другое может быть благом или злом. Когда ситуация неоднозначна и выбор затруднён, агрессия и коллективная интенциональность приводятся в действие одновременно, сами по себе образуя конфликт.

Так, у животных многие формы коммуникации противоречивы: стремление и к согласию, и к конфликту «выражается в одном и том же жесте или в одной позе» [Тинберген 1978: 155]. Причём такого рода коммуникативное поведение типично и играет очень важную роль, поскольку, в частности, является формой брачных церемоний, предшествующих спариванию [Там же: 155–156; Панов 2014: 9, 51].

Что касается человека, то, как полагал Г. Зиммель [1996: 504], у него «действительно есть формальное влечение к враждебности как парная противоположность потребности в

симпатии». Оба влечения естественны, стихийны и закономерно взаимообусловлены: симпатия и кооперативные взаимодействия внутри сообщества сплачивают его в борьбе с внешними врагами; агрессия извне — стимул к кооперации изнутри¹.

Предпочтение кооперативного начала в теоретическом описании естественной языковой коммуникации при почти полном игнорировании конфликтов правомерно, только если материал ограничен элементарными формами коммуникации, которые напрямую обусловлены коллективной интенциональностью. Именно на таком материале демонстрирует свою эффективность принцип кооперации Г.П. Грайса. Обосновывая его, Грайс, по сути, строит перифразу коллективной интенциональности. «Мне казалось, — пишет он, — что речевое общение обладает, хотя и в своеобразной форме, общими свойствами, характеризующими совместную деятельность любого типа»:

1. Наличие по крайней мере одной общей цели у участников коммуникации; цель не обязательно осознаётся ими.

2. «Вклады участников должны быть согласованы, взаимозависимы».

3. Участники коммуникации настроены на то, что она не прервётся ни одним из них, пока для них важна та цель, ради которой они вступили в коммуникацию [Грайс 1985: 225]. То есть не обязательно, но логично ожидать от любого участника диалога соблюдение следующего условия: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985: 222]².

Но дальнейшая детализация этого положения делает соблюдение принципа кооперации делом непростым, потому что участники диалога должны, по Грайсу, в каждом случае отличать истину от лжи (категория Качества), знать, каков оптимум предназначенной для выражения в диалоге информации (категория Количества), чтобы не отклоняться от обсуждаемой темы (категория Отношения), знать, что может быть непонятно собеседнику, уметь устранять неоднозначность в своих репликах, которые должны быть как можно более лаконичными (категория Способа).

Можно было бы предположить, что собеседники столь рациональны благодаря тому, что за них «думает» природа. Тогда принцип кооперации, подобно коллективной интенциональности, обусловлен биологически (правда, при этом противопоставленность истины и лжи нерелевантна, а знание об оптимуме информации и теме диалога излишне, поскольку основные параметры общения отлажены эволюционно). В этом случае примером коммуникации, безукоризненно отвечающей принципу кооперации, будут системы общения не столько людей, сколько медоносных пчёл, муравьев и других общин (коммун) социальных насекомых («исчисления» имплицатур им не нужно, потому что отклонения от генетически обусловленных «правил» настолько редки, что ими можно пренебречь).

¹ «Покуда межтерриториальное торговое общение было неразвито, индивидуальные путешествия неизвестны, а духовная общность ещё не выходила за границу группы, помимо войны не было никаких социологических взаимосвязей между различными группами» [Зиммель 1996: 504]. В середине XX века это положение находит подтверждение в работах одного из основателей политической антропологии Э.Э. Эванса-Причарда, который, основываясь на богатом полевом материале, утверждает: «Между племенами может быть только война, и через войну, через память о войне и потенциальную возможность войны определяются и выражаются отношения между племенами» [Эванс-Причард 1985: 143] — отношения мира, в частности.

² По мнению М. Томаселло [2011: 265], «изначально ... акты кооперативной коммуникации существовали только в рамках совместной деятельности, поэтому их интенциональная структура была полностью кооперативной». Эту интенциональную структуру естественного языкового общения хорошо передаёт «специальное коммуникативное намерение» Г.П. Грайса. Но надо подчеркнуть, что базовая структура, лежащая в основе разделённой интенциональности, предшествует «специальному коммуникативному намерению». В частности, изучение жестовой коммуникации у младенцев свидетельствует о формировании «базовой структуры кооперации в связи со способностью к совместным намерениям, причём ещё до начала овладения языком» [Томаселло 2011: 264].

Конкретный естественный язык и, разумеется, принцип кооперации не наследуются генетически. Поэтому нарушения максим наблюдаются постоянно, однако способность извлекать импликатуры позволяет собеседникам хорошо понимать друг друга — как раз потому, что они воспринимают нарушения как таковые, то есть всегда на фоне принципа кооперации. Но инструментарий Грайса эффективно работает только на относительно локальных сегментах коммуникации, которые, что особенно существенно, всегда меньше текста в строгом смысле [Лукин 2014: 85–87].

По этой причине сложные виды институциональной коммуникации и тексты, создаваемые в сетях такой коммуникации, необъяснимы с позиций теории Грайса. Вообще специфика коммуникации и текстов, например, в науке, государственном управлении, в политике, в сфере обороны, экономики и финансов и т.п. обусловлена функциональными аспектами социальных институтов³.

Например, политика мультикультурализма в Европе активизировала идеологию толерантности; укрепляясь и расширяясь, она формирует свое гипертрофированное коммуникативное воплощение — политкорректность. Толерантность и политкорректность намного сложнее, неопределённое, противоречивее принципа кооперации Грайса, потому что они обусловлены не логически, а социально-политически — предполагают несогласие, умолчание о несогласии или его эвфимизацию со стороны субъекта коммуникации, который может убеждённо декларировать согласие с собеседником, искренне придерживаясь «иного» мнения.

Между тем современные лингвисты-интерпретаторы (по преимуществу отечественные) принципа кооперации надстраивают над ним «лингвистическую толерантность», не видя зазора между эффективной, но ограниченной и искусственной рациональностью построений Грайса и неопределённой, изменчивой сложностью современной идеи толерантности. Все переворачивается с ног на голову: преходящая, обусловленная культурно-политически, доктрина толерантности объявляется методологическим основанием лингвистических исследований коммуникации; одновременно провозглашается изначальная «впаянность» толерантности в естественоязыковое общение и формулируются категории, стратегии, тактики толерантной коммуникации (И.Т. Вепрева, И.А. Стернин, О.П. Ермакова, Е.И. Шейгал, А.И. Дунев...), коммуникативные постулаты, принципы и максимы толерантности (О.С. Иссерс, М.Я. Дымарский, М.Я. Гловинская, В.Е. Гольдин...).

В полном соответствии с принимаемыми лозунгами сторонники «лингвотолерантности» не оспаривают и не опровергают хрестоматийные положения противоположного содержания о методологии лингвистики и онтологии языка:

«Борьба мнений не только естественна, но и неизбежна. В Ириде, то есть в разногласиях должны мы видеть богиню-покровительницу прогресса в науке. Трубить всем в один и тот же рог так же нежелательно, как и невозможно; каждый должен играть на своем инструменте, действуя, однако, в меру своих возможностей, общему звучанию оркестра» [Шухард 1950: 104].

«Грамматический порядок держится, так сказать, всесторонностью конфликтов с индивидуальными душевными мнениями, подобно дурному правительству, которое держится у власти в силу некоторого недовольства всех партий без исключения» [Фосслер 2007: 88].

Толерантность — симптом конфликта, способ сглаживания и консервирования конфликтов, она располагается между конфликтом и его разрешением, не будучи ни тем, ни другим [Лукин 2016а]. Ее надлежит рассматривать в рамках социальной коммуникации, которая всегда «порождает бифуркацию между „да“ и „нет“... конфликт и консенсус постоянно вос-

³ По-прежнему предпринимаются энергичные попытки объяснить социальные, социокультурные, политические и отчасти экономические феномены посредством их редукции к биологическим структурам и процессам, в последнее время все чаще к нейробиологическим и генетическим субстратам агрессии vs. кооперации [см., например: Бауэр 2009].

производятся в качестве альтернативы, дуализма. Это, в свою очередь, означает, что мы всякий раз навязываем теории односторонность, когда требуем от нее, чтобы она описывала общество преимущественно с точки зрения консенсуса или конфликта». Поэтому «и консенсус, и конфликт, и сотрудничество, и конкуренция должны учитываться в любой более или менее проработанной теории» [Луман 2007: 348].

Это единственно возможный выбор и прописная истина: если конфликт и согласие (кооперация) являются неотъемлемым свойством какого-либо феномена или процесса, то игнорирование любого из этих начал в описании и анализе неизбежно ведёт к противоречию в самом описании⁴.

Может меняться терминология, но не суть подхода. Если пионерская работа Т. Шеллинга — лауреата Нобелевской премии по экономике и одного из теоретиков холодной войны — получила заголовок «Стратегия конфликта» (1960), то затем аналогичные политологические исследования в США стали объединять под названием «Теория кооперации» (cooperation theory), продолжив моделирование конфликтов с помощью математического аппарата теории игр и все больше внимания уделяя данным эволюционной биологии [Axelrod 2000].

Социальный конфликт и интолерантность

В общем случае конфликт предполагает наличие двух сторон, между которыми имеется противоречие, ведущее к столкновению между ними; конфликт всегда диалогичен, «может возникнуть только во взаимодействии между субъектом и объектом» [Козер 2000: 84].

Осознание ими конфликта может быть полным или неполным; наиболее опасен конфликт, «не до конца доступный для понимания, только частично ставший явным» [Дарендорф 1994: 144]. Поэтому «полное манифестирование конфликтов всегда уже является шагом к их ослаблению» [Там же: 144].

Стороны конфликта всегда характеризуются «идентичностью», то есть между ними существуют связи, объединяющие их на каком-то уровне в одну общность (кровную, культурную, религиозную, гражданскую, профессиональную...). Чем сильнее такие связи, тем острее конфликт⁵.

Конфликты всегда градуальны, прежде всего в отношении использования силы в широком ее понимании: «Отметим только некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооружённая борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией — другой. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами — забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т. д. и т. п.» [Там же: 144].

Всякий конфликт предполагает известную меру кооперации во взаимодействии его участников (например, общие для противоборствующих сторон правила ведения войны, раз-

⁴ И, соответственно, если «нет ни почвы для взаимного компромисса, ни какого-либо общего интереса, хотя бы в том, чтобы избежать общей беды, теория вырождается; она вырождается и в случае другой крайности, при полном отсутствии конфликта и проблем в определении и достижении общих целей. Но в интервале между этими крайностями теория применима к сочетанию конфликта и общего интереса» [Шеллинг 2007: 28–29].

⁵ «Люди, у которых много общего, часто куда горше, несправедливее обижают друг друга, чем совершенно чуждые. <...> Вражда должна тем глубже и сильнее возбудить сознание, чем больше схожесть партий, от которой она отталкивается» [Зиммель 1996: 506].

ведки, дуэли, конкуренции, дебатов, азартных и спортивных игр), являясь в своей некооперативной ипостаси стимулом к оптимальной реорганизации каждой из сторон.

Кооперативный аспект социальных конфликтов предопределяет их развитие по определенным правилам, организовано, в той или иной мере системно, а значит, в какой-то степени предсказуемо, как в шахматной партии, в конкурентной борьбе или в войсковой операции.

Никлас Луман утверждает, что «конфликты представляют собой принцип системообразования *par excellence*, а системная теория может с равным успехом судить как о конфликтах, так и о сотрудничестве. <...> Конфликты являются высокоинтегрированными системами. <...> Обычно под словом „интеграция“ социологи понимают что-то хорошо отлаженное, приятное или гармоничное. Если все хорошо интегрированы, то благополучное будущее, сотрудничество обеспечены. Люди ладят между собой, на Земле царит мир и так далее» [Луман 2007: 50].

Например, в военном конфликте или в конкурентной борьбе одна из сторон может систематически предпринимать меры для косвенного информирования другой о своих планах. «Это вызвано тем, что шаги осведомленного противника легче предвидеть, что позволяет рационально, целесообразно бороться с ними. Более того, умело ведущий борьбу субъект нередко вынуждает противника к определённом поведению не только для того, чтобы поставить последнего в неблагоприятное положение, но и для того, чтобы иметь возможность предвидеть его действия» [Котарбинский 1975: 222]. Так может быть достигнуто «ограничение степеней свободы» — своей, поскольку ты знаешь, что делать, и противника, поскольку ты знаешь, что он сделает и чего делать не будет. Участники конфликта «интегрированы в той мере, в какой сокращено число опций, состояний, качеств — называйте как угодно, которые может принимать система». Отсюда «ясно, что для конфликта характерна сильная интеграция, так как в качестве противника, врага в ситуации конфликта мы имеем гораздо меньше возможных вариантов ходов, гораздо меньше вариантов поведения, приходится быть осторожным, думать о том, как заточить оружие, чтобы оно затупило оружие другого, как защищаться и уворачиваться, как нападать» [Луман 2007: 50].

Противоположностью социального конфликта, равно как и кооперации, являются рассогласованность и дезинтеграция. Закономерно, что одним из типичных средств победы в конфликте является система мероприятий по дезорганизации противника, лишению его внутренней согласованности.

Беспрецедентная способность человека решать проблемы и находить согласие сформировалась благодаря тому, что конфликты самого разного рода (коммуникативные, социальные, психологические, эпистемологические, политические, экономические, военные...) неустрашимы вообще, но постоянно требуют своего «регулирования», а нередко, как будет показано далее, и полного разрешения. «Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Покорного признания конфликтов также недостаточно. Скорее, необходимо осознать плодотворный, творческий принцип конфликтов» [Дарендорф 1994: 145].

Интолерантность предполагает конфликт, являясь одной из основных форм его манифестации (тем больше у нас оснований сказать об интолерантности словами Р. Дарендорфа, заменив в предыдущей цитате *конфликт* на *интолерантность*). Например, интолерантность как нежелание говорящего скрывать свое неприятие противоположного мнения, выражающееся в ясной и развёрнутой формулировке своей позиции по поводу исходного противоречия с собеседником, и есть «полное манифестирование конфликта, всегда уже являющееся шагом к его ослаблению» (Р. Дарендорф). И, наоборот, мимикрия согласия при сохранении разногласий, характерная для коммуникативной толерантности, делает конфликт не до конца доступ-

ным пониманию, а потому более опасным. В этом смысле толерантность — предпосылка к эскалации конфликта или к новому конфликту [Лукин 2016а, 2016б].

«Интолерантность» и «толерантность» имеют общий смысл «несогласие» — завуалированное или умалчиваемое несогласие в случае толерантности, явно и ясно манифестируемое в случае интолерантности. Интолерантность как понятие не является простым отрицанием толерантности, потому что последняя предполагает «нетерпимость по отношению к нетерпимым» (К.Р. Поппер), то есть толерантность не исключает насилия и конфликта из своего арсенала. Толерантность — **избирательная** терпимость, следовательно, и избирательная нетерпимость.

Интолерантность не является синонимом нетерпимости, как и толерантность — терпимости. Дж. Локк обосновал благо и рациональность толерантности, противопоставив ей безвыходность религиозной нетерпимости, стремящейся к насилию как основному своему средству. Допустим, толерантность — итог свободного и рационального выбора. Но он свободен и рационален не тогда, когда альтернативой является бессмысленная жестокость, слепая ярость, исступление, фанатизм и война ради войны (с рациональной точки зрения тут выбора нет), а когда возможен другой выход из конфликта — через открытое обсуждение противоречий во мнениях его сторон. Свободный и рациональный выбор пути к выходу из конфликта через открытое разрешение противоречий, лежащих в его основе, поскольку именно такова подлинная альтернатива толерантности, целесообразно считать интолерантностью. Из данного понимания интолерантности следует, что она представляет собой **избирательную** нетерпимость и, следовательно, избирательную терпимость.

Общее между ними — свобода выбора и его рациональность. Все случаи нетерпимости, не являющиеся результатом свободного и рационального выбора, нет оснований считать интолерантностью. Таковы, например,

- агрессия как инстинкт: животные и человек без промедления нападают на любого, кто представляет опасность для детей или детёнышей;
- целенаправленная и беспощадная, но по возможности рассудочно контролируемая субъектом агрессия: солдаты в ближнем бою;
- объективно ограниченная агрессия спортсменов-единоборцев во время боксёрского поединка или боя «без правил»;
- бессмысленная и аномальная жестокость маньяка;
- абсолютная нетерпимость и жестокость, которая субъективно или объективно безальтернативна: религиозные фанатики-террористы и боевики ИГИЛ⁶ не стоят перед выбором, как не стояли перед ним доктор Менгеле и администрация концлагеря «Освенцим».

В этих и ряде других случаев говорить об интолерантности неадекватно именно потому, что субъект лишён способности рационального выбора, в силу объективных обстоятельств не имеет выбора, или, что сложнее, думает, что не имеет и не должен его иметь: военные преступники как раз оправдывают себя тем, что они выполняли приказы, будучи солдатами, а не совершали массовые убийства вследствие осознанно принятого решения.

Кроме того, общим между толерантностью и интолерантностью является то, что они или предполагают выбор между мнениями (δόξα), а не знаниями в строгом смысле (ἐπιστήμη), или выбор осуществляется в условиях нечёткой границы между ними. Решение приходится принимать в ситуациях с достаточно высокой степенью неопределённости, когда истинность любой из альтернатив не может быть логически доказана. Если же участники ситуации располагают возможностью получить знание об исходном противоречии, как это имеет место, например, в науке,

⁶ Запрещённая в Российской Федерации террористическая организация — примеч. ред.

в финансовых отчётах физических или юридических лиц, в инженерных расчётах и т. п., они должны это сделать, и тут нет места избирательной терпимости.

Интолерантная коммуникация

Интолерантная коммуникация (1) предполагает не менее двух участников, (2) каждый из которых имеет мнение, частично или полностью противоречащее мнению собеседника относительно общего для них предмета обсуждения, (3) вступая в коммуникацию, каждый осознанно или неосознанно стремится говорить то, что думает, (4) отстаивает свое мнение, приводя аргументы против иных мнений.

В таком представлении интолерантная коммуникация гораздо проще и естественнее толерантной.

Далее мы будем исходить из определения толерантной коммуникации, обоснованного в [Лукин 2016b]:

1. Субъект коммуникации (St) имеет мнение A ;
2. St знает, что Объект коммуникации (Ot) имеет мнение $не-A$;
3. St располагает правомочной возможностью коммуникативного и/или некоммуникативного воздействия на Ot, в результате которого Ot либо будет вынужден заявить об отказе от своего мнения $не-A$, либо будет вынужден не говорить и не поступать в соответствии со своим мнением $не-A$, либо скрывать свое мнение $не-A$, свои высказывания и поступки;
4. St не пользуется возможностью коммуникативного и/или некоммуникативного воздействия на Ot;
5. St, имея мнение A , не согласен с мнением $не-A$, но эксплицитно и ясно не говорит Ot о своем несогласии и не стремится к опровержению мнения $не-A$, предпочитая не обсуждать противоречие A vs. $не-A$, возможно, упоминая о нем косвенно;
6. St рассчитывает на то, что Ot, как и он сам, не будет эксплицитно и ясно говорить о своем несогласии и не будет стремиться к опровержению мнения A , предпочитая не обсуждать противоречие A vs. $не-A$, возможно, упоминая о нем косвенно;
7. St не имеет намерения отказываться от своего мнения A .

Интолерантная коммуникация, основанная на совпадении мнения и его выражения, проще толерантной семантически — на одно отрицание: толерантная коммуникация содержит внутреннее (невыраженное) несогласие (отрицание) St (A) с Ot ($не-A$), а объектом выражения является мнение, всегда так или иначе отличное от умалчиваемого, то есть надо НЕ говорить того, что думаешь (A).

Интолерантная коммуникация проще прагматически (в семиотическом смысле), потому что возможна независимо от социального статуса ее участников, хотя оптимальна при достаточной свободе социально-коммуникативных действий участников.

Интолерантная коммуникация проще и естественнее коммуникативно-психологически: говорить то, что думаешь, легче, чем скрывать свое мнение, прикладывая дополнительные усилия для его мимикрии или выражая мнение, полностью расходящееся с умалчиваемым.

В конечном счёте, интолерантная коммуникация даёт возможность держать в фокусе внимания суть того, что обсуждается, в максимально возможной мере освобождая говорящих и слушающих от контроля над способом, формой и процессом выражения и, соответственно, восприятия, понимания. Поэтому она оказывается весьма эффективной, когда участникам коммуникации жизненно необходимо за ограниченное время решить общую для них проблему в ситуации с высокой степенью неопределённости.

От экстренного совещания в штабе воинского подразделения, попавшего в окружение, или заседания чрезвычайной комиссии, призванной определить первоочередные меры для ликвидации последствий аварии на АЭС, до семейного совета, на котором надо решить вопрос об источнике денег для лечения ребёнка, или обсуждения маршрута туристами, заблудившимися в тайге — во всех подобных ситуациях участники заинтересованы в выражении такого множества различных предложений, из которых на основе рационального критического обсуждения можно выбрать лучшее.

Единство и согласие являются не целью, а возможным следствием из достижения цели — решения исходной проблемы. Разумеется, все может закончиться неудачей, разладом, ссорой, новым конфликтом, возможно, гибелью людей. Речь идёт об оптимальных коммуникативных условиях для успешного решения проблемы, а они, повторим, заключаются в необходимости разнообразия мнений, включая противоречащие и противоположные, и выборе лучшего из них на основании рациональной критики.

По этой причине начальник штаба, капитан корабля или подводной лодки, главный конструктор или главный врач, имея возможность единоличного принятия решений, при возникновении острой проблемы в ситуации цейтнота и неопределённости предпочитают создавать ситуации с максимумом коммуникативной свободы для ограниченного круга участников (совещания, собрания, консилиумы предполагают искренность, ясность, аргументацию и контраргументацию, наверняка исключая одно — толерантную коммуникацию). Решение проблемы — общая цель участников интолерантной коммуникации данного вида, достижение цели означает исчерпанность конфликта. Такие конфликты Л. Козер называет реалистическими, справедливо замечая, что «реалистический конфликт необязательно сопровождается проявлениями враждебности и агрессивности» [Козер 2000: 84].

Простота, эффективность и как следствие регулярная результативность интолерантной коммуникации закономерно приводит к ее институализации.

Типичный пример — судопроизводство, основанное на принципе состязательности. «Состязательность предполагает в качестве движущей силы спор сторон» [Смирнов 2001: 18] — абсолютно равноправных сторон обвинения и защиты. Обвинитель должен только обвинять «и не вправе собирать оправдательные доказательства», защитник же «может только стремиться опровергнуть обвинения». Необходимость противоборства при равноправии его участников — существеннейшие составляющие интолерантной коммуникации — закреплены в Конституции Российской Федерации (прескриптивном метатексте): «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (Ст. 123).

Все институализированные формы интолерантной коммуникации помимо двух основных участников предполагают особый статус для ещё одного коммуниканта — участника-наблюдателя, точнее было бы сказать, наблюдателя-контролёра (арбитр, спикер, судья, председатель). Типичные социально-коммуникативные функции наблюдателя-контролёра состоят в том, чтобы (1) поддерживать должный уровень активности сторон социально-коммуникативного конфликта, (2) контролировать соблюдение ими правил коммуникативного и некоммуникативного взаимодействия (закреплённых в метатекстах, возможно, имеющих юридическую силу), которые призваны обеспечивать необходимую меру кооперативности сторон конфликта, (3) не допускать сговора сторон, стремления к достижению согласия в обход открытого критического обсуждения исходного противоречия — причины и повода для коммуникации.

Последнее означает, что в названных ситуациях толерантная коммуникация вместо интолерантной возможна, но либо незаконна, либо нежелательна, дисфункциональна, не способствует, а препятствует разрешению исходного противоречия, проблемы.

Институциональные формы интолерантной коммуникации, основанные на реалистическом конфликте, создают оптимальные условия для решения проблем, поэтому они необходимы и одновременно являются свидетельством стабильности социума, института, социальной группы. И, наоборот, «конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту, и в которых сам конфликт не институционализирован» [Козер 2000: 184].

Итак, интолерантная коммуникация представлена широким спектром семиотических (естественноязыковых и неязыковых) взаимодействий от ссоры, скандала, всего того, что называют выяснением отношений или откровенным разговором, до судебных заседаний, парламентских дебатов и заседаний учёных советов. Настораживает в этом обобщении то, что под определение интолерантной попадают такие формы и способы организации коммуникации, которые никто никогда не называл интолерантными и не противопоставлял толерантным.

Интолерантность естественная и исконная

Если следовать распространённому в лингвистике пути — собрать множество контекстов с лексемой *интолерантность* в различных современных сферах коммуникации и обобщить их семантику, — то несложно было бы убедиться, что интолерантность вовсе не является «свободным, открытым и рациональным выбором пути к выходу из конфликта». Но дело не в слове, а в идее и воплощающей ее коммуникативной практике, которые противоположны толерантности. Идея оказалась простой и довольно тривиальной: следуя ей, люди чаще всего говорили и говорят друг с другом интолерантно. Просто *интолерантность* — новое имя старой идеи, навязанное культурно-политической ситуацией.

Содержание коммуникативной интолерантности, напротив, естественно и исконно. И тот факт, что социальная коммуникация обычно предполагает согласие, может иметь его своей целью, но основана по преимуществу на принципе конфликтного взаимодействия, иллюстрируется наивно-языковой категоризацией.

В русском языке есть существительные, обозначающие коммуникативные ситуации, в основе которых лежит «принцип конфликта»: *дебаты, дискуссия, диспут, полемика, прения, препирательство, спор, ссора*. Из них *дебаты, дискуссия, диспут, полемика, прения* могут обозначать институционально установленные и в ряде случаев обязательные формы организации общения.

Ко всем этим словам нет антонимов, как нет вообще лексем, обозначающих коммуникативные ситуации, в основе которых лежал бы «принцип кооперации»; существительные, обозначающие участников конфликтной коммуникации *дебатер, диспутант, спорщик, полемист, оппонент* не имеют антонимических или каких-либо иных соответствий со значением «участник коммуникации, организованной по принципу кооперации».

Существительные и глаголы со значением согласия (кооперации) тяготеют к обозначению не процесса, а результата или цели коммуникации; существительные и глаголы со значением противоречия (конфликта) тяготеют к обозначению не цели, а процесса коммуникации. Поэтому, например, к существительным *договор, сговор, соглашение, уговор* нет антонимов; соотносимые с ними *ругань, спор, ссора* и др. обозначают не результат и цель, а коммуникативную ситуацию как целое. Глаголы со значением противоречия (конфликта) в большинстве своем процессуальны, могут обозначать только действия длящиеся и нерезультативные, то есть являются абсолютно непарными глаголами несовершенного вида (*дискутировать, конфликтовать, перечить, полемизировать, прекословить, препираться, пререкаться, противоречить, противостоять, разноречить*); большинство глаголов со значением согласия в русском языке регулярно обозначают результативные действия, обладают предельной грам-

матической семантикой и образуют видовые пары (*договориться-договариваться, разделить-разделять, сговориться-сговариваться, согласиться-соглашаться...*) [дополнительные примеры и обсуждение контрпримеров см. в Лукин 2003].

Иноязычные заимствования имеют семантику только конфликтного речевого взаимодействия. Они, скорее всего, вошли в русский язык вследствие заимствования соответствующих институций. В древнерусском языке их не было, и одновременно ситуация конфликтной коммуникации была лексически разработана и представлена более детально.

Речь и слово имели значения «спор», «тяжба», «брань»⁷.

Значение «спорить, противоречить, возражать» выражалось рядом глаголов с разными корнями: *отвьтовати, отвъщевати, праведнослововати, прековати, прекоглаголати, противуглаголати, противуизнести, противупривести, противуреши, препирати, раздрати, ратитися, ратоватися, ратословити, ретитися, словити, словопрепиратися, словопрътися*.

Участник конфликтной коммуникации — *прекословець, пьрьникъ, пьрьць = прьць = перць = прець, тажьбьникъ*.

Любопытен и нуждается в отдельном анализе тот факт, что наряду с сокращением числа обозначений конфликтной коммуникации из русского литературного языка ушли все глаголы и существительные с семантикой «говорить правду, истину», «говорящий правду, истину»: *истинновати, истовати, правдовати, правдословитися; истинникъ, истинноглаголивый, истиннословець*. Между тем в современных диалектах эти слова сохранились, но только отчасти: зафиксированы глаголы [Кучко 2015], существительных же, которые обозначают субъект речевой деятельности с семантикой «говорящий правду, истину» нет.

Естественноречевая категоризация не является источником истинного знания о речевой деятельности, но в данном случае адекватно отражает стихийно сложившуюся и естественную норму восприятия коммуникации носителями русского языка. Отраднo, что это восприятие соответствует более взвешенным и реалистичным, чем принцип кооперации Грайса, теоретическим моделям человеческой коммуникации, основанным на учёте взаимодействия конфликтных и кооперативных ее начал.

Интолерантность рациональная и прогрессивная

Помимо социологических теорий конфликта Г. Зиммеля, У. Козера, Р. Дарендорфа и «антагонистической кооперации» У. Самнера, речь идёт о философских концепциях негативной кооперации Т. Котарбинского, фаллибилизме Ч.С. Пирса и К.Р. Поппера, политологической теории неполного антагонизма Т. Шеллинга и психологической теории когнитивного диссонанса Р. Фестингера⁸.

Далее будут вкратце рассмотрены только принцип негативной кооперации Т. Котарбинского и фаллибилизм Ч.С. Пирса и К.Р. Поппера, потому что в них принцип конфликта сопрягается с идеей прогресса.

Принцип негативной кооперации (1955)

Представитель Львовско-Варшавской школы Т. Котарбинский анализирует социально-коммуникативные процессы в рамках праксеологии — «общей теории эффективной („исправной“) организации деятельности» [Котарбинский 1975: 20; далее цитируется только с

⁷ Здесь и далее примеры извлечены из [Словарь 1975–2008; Срезневский 1902].

⁸ Все эти концепции были разработаны и опубликованы либо одновременно с теорией Грайса, либо задолго до нее. Сторонники принципа кооперации, насколько можно судить по доступным нам публикациям, воздерживаются от их системной критики, лишь упоминая от случая к случаю.

указанием страниц]. Цель — «создать грамматику действия, хотя бы по примеру человека как существа говорящего» [Там же: 27], посредством «исследования наиболее широких обобщений технического характера» деятельностно-коммуникативных процессов в промышленности, экономике, в образовании, в ремёслах, в искусстве, в спортивных и азартных играх, в военном деле и т. п.

Котарбинский выделяет два основных типа коллективной деятельности — позитивную кооперацию и негативную кооперацию.

Позитивная кооперация характеризуется единством цели, интеграцией, координацией и централизацией ее участников. Эталонными примерами позитивной кооперации являются исполнение оркестром музыкального сочинения, взаимодействия бойцов артиллерийской батареи во время ведения огня или игроков одной команды в футбольном матче.

Коммуникация в рамках позитивной кооперации исключает толерантность, потому что требует волевых ограничений, подчинения, единства и предполагает контроль над действиями участников со стороны инстанции-организатора, контролёра (дирижёр, командир, судья, рефери, тренер...), возможность его вмешательства в коммуникацию и право её прекращения.

Более распространенным и «самым интересным» Котарбинский считает феномен негативной кооперации, участники которой осознанно стремятся к противоположным целям и, планируя свои действия, учитывают возможные контрдействия собеседника: «Случай взаимного объективного, а вместе с тем и сознательного препятствования мы считаем наиболее интересным потому, что при этом обе стороны взаимно вынуждаются к преодолению трудностей в особенно интенсивной форме и, следовательно, косвенно принуждаются к совершенствованию техники действий» [Там же: 206].

Интолерантная коммуникация — частный случай негативной кооперации, при котором участники, располагая возможностью разрешить исходное противоречие посредством поиска компромисса, считают более конструктивным открытое противостояние, которое должно привести к ликвидации конфликта, устранению противоречия вследствие победы одной из сторон. Следовательно, используя примеры Т. Котарбинского, логично заключить, что спортивные игры, спортивная борьба, «техника вооружённой борьбы» — не интолерантные виды негативной кооперации; война в целом (при возможности мирного разрешения противоречий), борьба за рынки сбыта, конкуренция различного рода, диспуты, дискуссии, «интеллектуальные споры», парламентские дебаты, прения — интолерантная негативная кооперация.

Негативная кооперация имеет максимально широкое распространение. При этом практически все случаи позитивной кооперации требуют «применения негативной кооперации как средства повышения исправности позитивной кооперации — ...использования творческого конфликта противоречий для общего блага» [Там же: 103]. Так, хотя обучение предполагает единство цели обучающихся и обучаемых и протекает под знаком позитивной кооперации, для максимально эффективного достижения этой цели «преподаватели стремятся создать ученикам учебные трудности, ученики прилагают усилия к тому, чтобы освободиться от этих трудностей. А суровый экзамен обычно слишком хорошо напоминает поединок судебного следователя с индивидом, заподозренным в преступлении, напоминает, следовательно, форму кооперации, имеющую характерные признаки борьбы» [Там же: 225].

Стимулом к негативной кооперации являются «принудительные ситуации» («угроза для жизни, твоей или кого-либо из твоих близких, угроза здоровью, угроза большого физического страдания, угроза потери свободы, перспектива позора, отчуждения, экономической разрухи и т. д.»), то есть ситуации, принуждающие к решению острых проблем. Лучшее средство для этого — негативная кооперация интолерантного свойства, потому что она представляет собой самосовершенствующуюся «технику действий», нацеленную на «преодоление трудностей».

В таком качестве негативная кооперация предстаёт как механизм прогресса в наиболее существенных сферах человеческой деятельности [Там же: 250, 251] и одновременно как способ борьбы и избавления от устаревших и потому обременительных продуктов прогресса: «Прогрессивные достижения ввиду присущей им инертности постепенно становятся препятствиями на пути прогресса» [Там же: 264], по этой причине «одним из главных требований прогресса является постулат необходимости освобождения от потерявших значение элементов культуры» [Там же: 265].

Лучшей иллюстрацией правоты этих тезисов является наука — концентрированное выражение прогресса, но Т. Котарбинский не проводит философского анализа принципа негативной кооперации в науке как сфере духа и в науке как социальном институте.

Фаллибилизм (1897)

В основе философии науки Ч.С. Пирса, которую он назвал фаллибилизмом, лежит старая идея: «Открытия достойны похвалы даже тогда, когда они только устраняют ложь, не ставя на ее место истины, которая сама по себе столь трудно поддается установлению, в согласии с принципом ораторов: “*Utinam tam vacila possem vera reperire, quam valsa convincera!*”» [Галилей 1964: 113]. Если установление истины столь же сложно, как и ее определение, то установление лжи и противоречивости проще и надёжнее, а их устранение, несомненно, приближает нас к истине — базисной кооперативной ценности:

«Идея науки в том, чтобы покрывать подножия крепостного вала истины мёртвыми телами атакующих до тех пор, пока какое-нибудь из поколений будущего, ступая по ним, не сможет наконец взять цитадель. Данное различие наиболее ярко проявляет себя в том, что практический человек готов поставить на карту все, чем дорожит, и, даже рискуя жизнью, продолжает всеми силами души верить в полезность объекта его стремлений...; в то время как человек науки прежде всего стремится познать истину, ради которой готов поступиться своими преходящими убеждениями (ибо все его убеждения преходящи), желая их опровергнуть и прилагая для этого все силы» [Пирс 2000: 290].

Решая научные проблемы, мы раз за разом выдвигаем предположения, из которых лишь одно, возможно, окажется подлинным решением. Стало быть, решение проблемы — процесс генерирования проб и ошибок. Отличие человека в том, полагает К. Поппер¹⁰, что «основные ошибки амёбы устраняются путём устранения амёбы», а исследователь, совершив ошибку, имеет шанс осознать её и повторить пробу. В беспрестанной череде проб, ошибок и исправления ошибок создаётся необходимое разнообразие знаний.

⁹ Если бы возможно было установить истину столь же легко, как искоренять ложь!

¹⁰ Карл Поппер заимствует термин *фаллибилизм* у Ч.С. Пирса, но суть этой идеи усматривает ещё в философии Сократа, утверждая, кроме того, что великие естествоиспытатели так или иначе разделяли принципы фаллибилизма [Popper 2010: XXVI–XXVII]. Он соглашается с Пирсом в том, что фаллибилизм свойственен не только собственно научному знанию.

С этой точки зрения толерантность открытого общества, по К. Попперу, — это ограниченная терпимость политической власти к всестороннему анализу и открытой критике при обсуждении неизбежно возникающих социальных конфликтов с целью их разрешения, то есть — к социальному фаллибилизму (решать проблемы можно, только предпринимая множество удачных и неудачных попыток). По отношению к тем, кто, упорствуя, не желает устранения конфликтов, разжигает их или стремится разрешать конфликты посредством устранения своих оппонентов, избегая открытого обсуждения и критики, — к ним во имя толерантности следует применять ограниченную нетерпимость, или интолерантность: «во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым» [Поппер 1992: 328–329]. Но интолерантность в этом контексте также есть фаллибилизм, поскольку он требует открытой критики и устранения всего неистинного, ложного, ошибочного.

Поскольку вероятность решения проблемы тем больше, чем больше предпринимается проб и, значит, ошибок, возникает необходимость «обильного генерирования ошибок» [Кэмпбелл 2000: 100]. По общему мнению, наилучшим решателем проблем является тот исследователь, который совершает максимум ошибок, обладая, разумеется, при этом способностью быстро исправлять их и вовремя распознавать безошибочную пробу. Значит, выбор конструктивного решения возможен только в результате критики и проверки.

Если решение, выдержавшее проверку, найдено, то все, противоречащее ему, ложны и должны быть отвергнуты. Карл Поппер говорит, что благодаря текстовому выражению теории отделены от их создателей, поэтому в отличие от человеческих конфликтов теоретические конфликты должны разрешаться посредством радикального устранения противоречивых, ошибочных, ложных теорий: «Мы можем убивать их, не убивая их носителей» [Поппер 2000b: 69]. Критика должна быть убийственной¹¹.

Принимая это положение, настоящий исследователь оказывается в тяжёлом положении, потому что его создание не имеет никаких привилегий перед чужими.

Драматизм ситуации хорошо передаёт И.П. Павлов: «Итак, вы должны быть чрезвычайно привязаны к вашей идее, и рядом с этим вы должны быть готовы в любой момент произнести над нею смертный приговор, отказаться от нее. Это чрезвычайно тяжело! Целыми неделями приходится в таком случае ходить в большой грусти и примиряться. Мне припомнился тогда случай с Авраамом, которому, по неотступной его просьбе, на старости лет Бог дал единственного сына, а потом потребовал от него, чтобы он этого сына принёс в жертву, заколол. Тут то же самое» [Павлов 1999: 90].

Соблазн избавить свое решение проблемы от убийственной критики приведёт лишь к тому, что это публично сделает кто-то другой. Поэтому рационально и выгодно быть беспощадным ко всем, включая себя.

В силу тотальности критики частично или полностью ошибочные теории вытесняются за границы науки теориями, в которых до поры никто не обнаружил недочётов. Но затем и их ждёт убийственная критика, очищающая пространство для все более совершенных идей. Быть беспощадным — значит содействовать прогрессу науки.

Классики науки независимо от философии, до Пирса и Поппера, но в полном соответствии с их пониманием фаллибилизма осознавали необходимость и благо убийственной критики (а также и других узловых идей философии науки, в частности, Т. Куна и И. Лакатоса). Например, Клод Бернар, скептически относившийся ко всякой философии, утверждал, что «разрушать теорию — это превосходная вещь. Это шаг вперед, и не надо бояться, если какой-нибудь факт разрушает теорию, даже свою собственную, а нужно отыскивать этот факт. Это — открытие, то есть, как говорят, революция, ибо наука революционна и не движется, как это думают, путем последовательных добавлений» [Цит. по: Карлик 1937]. «Прогресс состоит не в том, чтобы восстанавливать или оживлять старые системы; истинный прогресс состоит в их забвении...» [Бернар 1937: 340]. При этом одно только обнаружение бессвязности, ошибки или неполноты теории не может быть достаточным основанием для отказа от нее, если мы не располагаем другой, более совершенной теорией: «Лучшее, что можно сделать... это следовать указанию Декарта, советовавшего человеку, который хочет построить замок в поместье, где находится хижина, сохранить хижину, так как ее разрушение может принудить спать под открытым небом» [Бернар 1937: 279].

¹¹ В конфликте между учёными, объединёнными общей проблемой и «нерелигиозной верой в истину» (К. Ясперс), «любая уступка, любой разговор о мире, пока не достигнута окончательная победа, выглядит предательством» [Козер 2000: 138].

Прогресс науки как надличностного знания не зависит от воли конкретных людей, но является сверхсуммативным (эмерджентным) результатом их волевых усилий и рациональной работы. «Мы не можем лишить учёного его пристрастий, не лишив его в то же время человечности, и мы не можем подавить или уничтожить его ценностные суждения, не уничтожив его как человека и как учёного» [Поппер 2000а: 307]. Поэтому прогресс научного знания и «научная объективность — это не дело отдельных учёных, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учёными, их сотрудничества и их соперничества» [Там же: 305].

Сходство между интолерантностью и фаллибилизмом очевидно. Можно сказать, фаллибилизм в науке — это эпистемологическая интолерантность, являющаяся средством трансформации мнения (гипотезы, допущения, научные фикции и т.п.) в знание (теория, метод) и одновременно средство для установления и устранения ложного знания. Фаллибилизм в широком смысле (в науке и за ее пределами) — это эффективная идеология и стихийно сложившаяся интеллектуальная практика разрешения конфликтов и решения проблем, естественным воплощением которой является коммуникативная интолерантность.

Бауэр И. 2009. *Принцип человечности. Почему мы по своей природе склонны к кооперации*. — СПб.: Изд-во Вернера Регена.

Бернар К. 1937. *Лекции по экспериментальной патологии*. — М.-Л.: Гос. изд-во биологич. и мед. лит.

Галилей Г. 1964. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки. — *Галилей Г. Избранные произведения в 2-х т.* — Т. 2. — М.: Наука.

Грайс Г.П. 1985. Логика и речевое общение. — *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. XVI. — М.: Прогресс.

Дарендорф Р. 1994. Элементы теории социального конфликта. — *Социологические исследования*. — № 5.

Зиммель Г. 1996. Человек как враг. — *Зиммель Г. Избранное 2-х т. Т. 2.* — М.: Юристъ.

Кант И. 1993. Провозглашение близкого к заключению соглашения о вечном мире в философии. — *Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. I.* — М.: «Ками».

Карлик Л.Н. 1937. Клод Бернар. — *Бернар К. Лекции по экспериментальной патологии*. — М.-Л.: Гос. изд-во биологич. и мед. лит.

Козер Л. 2000. *Функции социального конфликта*. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Котарбинский Т. 1975. *Трактат о хорошей работе*. — М.: Экономика.

Кучко В.С. 2015. К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных глаголов со значением «говорить правду». — *Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее*. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.

Кэмпбелл Д.Т. 2000. Эволюционная эпистемология. — *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*. — М.: Эдиториал УРСС.

Луман Н. 2007. *Введение в системную теорию*. — М.: Логос.

Лоренц К. 1998. *Оборотная сторона зеркала*. — М.: Республика.

Лукин В.А. 2003. ПРОТИВОРЕЧИЕ и СОГЛАСИЕ: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства. — *Вопросы языкознания*. — № 4.

Лукин В.А. 2014. Роль текста в научном исследовании. — *Вестник РГНФ*. — № 4 (77).

- Лукин В.А. 2016а. Социально-коммуникативный кризис толерантности (I). — Учёные записки Орловского государственного университета. — № 3 (72).
- Лукин В.А. 2016b. Социально-коммуникативный кризис толерантности (II). — Учёные записки Орловского государственного университета. — № 4 (73).
- Павлов И.П. 1999. Об уме вообще. — *Природа*. — № 8.
- Панов Е.Н. 2014. *Эволюция диалога. Коммуникация в развитии: от микроорганизмов до человека*. — М.: Языки славянской культуры.
- Пирс Ч.С. 2000. Приближение к метафизике. — *Пирс Ч.С. Начала прагматизма*. — СПб.: Алетейя.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги. Т. I*. — М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».
- Поппер К. 2000а. Логика социальных наук. — *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*. — М.: Эдиториал УРСС.
- Поппер К. 2000b. Эволюционная эпистемология — *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*. — М.: Эдиториал УРСС.
- Словарь 1975–2008. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* — Вып. 1–28. — М.: Наука.
- Смирнов А.В. 2001. *Состязательный процесс*. — СПб.: Альфа.
- Срезневский И.И. 1902. *Материалы для словаря древнерусского языка*. — Т. I–III. — СПб.: Императорская академия наук. — 1893–1912.
- Тинберген Н. 1978. *Поведение животных*. — М.: Мир.
- Томаселло М. 2011. *Истоки человеческого общения*. — М.: Языки славянских культур.
- Фосслер К. 2007. Грамматические и психологические формы в языке. — *Фосслер К. Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию*. — М.: Издательство ЛКИ.
- Шеллинг Т. 2007. *Стратегия конфликта*. — М.: ИРИСЭН.
- Шухард Г. Происхождение языка. — *Шухард Г. Избранные статьи по языкознанию*. — М.: Иностран. лит., 1950.
- Эванс-Причард Э.Э. 1985. *Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов*. — М.: Наука.
- Axelrod R. 2000. On Six Advances in Cooperation Theory. — *Analyse & Kritik*. — Vol. 22.
- Popper K. 2010. *Die beiden Grundprobleme der Erkenntnistheorie. Aufgrund von Manuskripten aus den Jahren 1930–1933*. — Tübingen : Mohr Siebeck.
- Searle J.R. 2003. Social Ontology and Political Power. — *Socializing Metaphysics: The Nature of Social Reality*. — Oxford: Rowman & Littlefield.